

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1897

— *Нет*, папа! Не может быть, чтобы ты на самом деле так думал!

Марина Фуллертон стояла в гостиной перед отцом; ее глаза быстро наполнялись слезами. Хотя она изо всех сил старалась не показывать своих чувств, ее тело сотрясала дрожь.

— Я принял решение, Марина, и думаю, что так будет лучше для нас обоих.

— Но уехать отсюда так скоро после похорон мамы... Кто будет ухаживать за ее могилой и каждую неделю класть на нее цветы?

Подняв на отца взгляд, Марина поняла, что спорить бесполезно.

Хотя девушке было всего двадцать лет, несчастье уже оставило след в ее жизни. Шесть недель назад ее любимая мать трагически погибла.

Она тогда гостила в загородном имении заболевшей престарелой родственницы и решила выехать на прогулку на незнакомой лошади. Подручный конюха

предупредил миссис Фуллертон, что лошадь легко раздражается, но, будучи весьма искусной наездницей, та не обратила на это внимания.

Она легким галопом скакала по склону холма, как вдруг выстрел из ружья живущего неподалеку фермера встревожил коня. Тот понес, и миссис Фуллертон, выронив из рук вожжи, потеряла управление животным. Она выпала из седла в какую-то канаву, когда лошадь перескакивала через живую изгородь. Только потому, что миссис Фуллертон сопровождал один из конюхов, ее сразу же нашли. К несчастью, шея была сломана, и она умерла мгновенно. Марина слишком хорошо помнила тот день, когда вернулась после приятной прогулки с подругой, леди Генриеттой де Астуж, и обнаружила, что прислуга в слезах, а занавеси в гостиной зловеще опущены.

Она думала, что умрет от горя; не находила утешения и у отца, который закрылся ото всех до самых похорон.

Марине пришлось все устраивать и организовывать самой, пока отец сидел в кабинете ипил без меры.

Когда он, наконец, появился за день до похорон, то был уже другим человеком.

Он всегда был строг, но теперь сделался еще и холодным и отстраненным. Любая попытка Марины сблизиться и растопить лед, образовавшийся в их отношениях, встречала резкий отпор.

Девушка никогда в жизни не чувствовала себя такой одинокой; только благодаря поддержке близких друзей, в частности Генриетты, она продолжала жить дальше.

...И вот всего несколько мгновений назад отец стоял на этом самом месте и говорил, что не может больше выносить пребывания ее, единственной своей дочери, в этом доме.

Сердце Марины едва не разорвалось на части, когда отец повернулся к ней спиной и уставился на бледно-зеленые стены.

Девушка думала, что ее слезы тронут его, но потом стало ясно, что ему невыносимо даже смотреть на нее.

Марине часто говорили, что она копия матери, и теперь это, как видно, обернулось для нее бедой.

Казалось, сэр Генри простоял в молчании целую вечность. Потом он повернулся и, стараясь не встречаться с умоляющим взглядом дочери, заговорил. Его голос звучал холодно и резко, в его ледяных голубых глазах не было ни капли тепла.

— Принося цветы на могилу мамы, ты не сможешь вернуть ее, Марина. Нет, ты должна начать новую жизнь, и пребывание во Франции будет для тебя в высшей степени полезным. Иностранные языки всегда были твоим слабым местом, и теперь у тебя будет отличная возможность подтянуться. С этой целью я связался с хорошей семьей, которую знаю уже много лет. Месяе

и мадам Соланж прислали ответ, в котором выразили желание сделать свой дом твоим на ближайшее будущее. Ты должна быть благодарна за такую возможность.

— Но папа! — взмолилась Марина, упав на колени. — Я не понимаю, почему я не могу остаться с тобой. Ведь теперь, когда мамы нет, ты будешь как никогда нуждаться во мне.

Сэр Генри изменился в лице, и Марина поняла, что перешагнула черту дозволенного. Если отец ненавидел что-то больше всего на свете, так это препирательства с ним после того, как он принял решение. Крутой нрав сэра Генри не вызывал у Марины желания его испытывать.

— Ты смеешь сомневаться в моей мудрости, дочь? — с едва сдерживаемой яростью произнес он; каждое его слово несло угрозу.

Хотя сэр Генри никогда и пальцем не тронул Марину, в эти последние недели девушка начала бояться его самого и непредсказуемых перемен его настроения.

Она видела, как отец набрасывается на слуг, даже на Фроума, их дворецкого, который служил сэру Генри задолго до того, как тот женился на матери Марины, и стал нетерпим с Монти, их гладкошерстной охотничьей собакой.

Бедного преданного пса теперь выгуливал лакей Джонас, поскольку сэр Генри утратил к собаке всякий интерес.

— Нет, папа, — ответила Марина после долгого молчания.

— Рад это слышать. Ты поедешь во Францию в следующую пятницу. Я устрою все, что касается этой поездки. Элен, твоя горничная, отправится с тобой в качестве компаньонки. Молодой девушке не пристало путешествовать одной.

— Да, папа.

— Хорошо. Я сказал все, что хотел. Можешь идти.

Марина медленно поднялась с пола, чувствуя себя совершенно разбитой.

Она обратила на отца молящий взгляд, но сэр Генри даже не посмотрел в ее сторону. Он стоял у окна, выходявшего на Харли-стрит, и не оборачивался.

Марина с грустью повернула массивную латунную ручку в форме улья и покинула гостиную, заново переживая муки разбитого сердца.

«Он отослал меня прочь, как будто я для него значу не больше служанки, — мысленно стенала девушка, взбираясь по лестнице к себе в комнату. — Не знаю, чем я заслужила такое».

В спальне Марину ждала Элен, которая нянчила ее в детстве, а теперь, когда девочка выросла, осталась при ней, заботясь обо всех ее нуждах.

Марина была еще недостаточно взрослой, чтобы иметь камеристку, однако Элен выполняла большинство обязанностей и такого рода прислуги.